

ОТРАРСКИЙ ОАЗИС НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ ПШАКШИТОБЕ И БЕСИНШИТОБЕ

OTRAR OASIS ON THE GREAT SILK ROAD: NEW RESEARCHES AT THE SITES OF PSHAKSHITOBЕ AND BESINSHITOBЕ

© 2017 К.М. Байпаков, А.К. Авизова, А.Д. Искандерова
Казахстан, Узбекистан

© 2017 K.M. Baipakov, A.K. Avizova, A.D. Iskanderova
Kazakhstan, Uzbekistan

Очаги раннеземледельческой культуры уже давно известны в нижнем и верхнем течении Сырдарьи. Сильное раннегосударственное объединение саков в нижнем течении реки имело довольно развитые земледельческо-скотоводческие хозяйства и первые города. К руинам древних городов, укрепленных рвами и оборонительными стенами, относятся Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла 1 и Баланды. Однако средняя русловая часть земель реки начинает вводиться в использование земледельцами лишь после того, как здесь складывается крупное устойчивое политическое образование, способное мобилизовать население на организацию трудоемких затрат по проведению каналов и освоению залежных земель. Так, во второй половине I тыс. до н.э., когда здесь образовалось государство Кангюй, сложился древнеотрарский оазис — один из самых северных центров древнеземледельческой культуры. В низовьях Арыси возникают раннекангюйские укрепленные поселения земледельцев, развиваются ремесла, торговля и градостроительство. Об этом свидетельствуют руины многочисленных городов и поселений, нижние слои которых относятся к концу I тыс. до н.э. В это время начинается освоение земель не только нижней части долины Арыси, но и всего неосвоенного правобережья Сырдарьи. В частности, многолетние раскопки крупнейших городских центров этого региона — таких, как Шымкент и Ташкент — показали, что древние культурные слои их датируются не позже II в. до н.э.

Среди памятников Отрарского оазиса, относящихся к отрарско-каратауской археологической культуре эпохи Кангюй, городища Пшакшитобе и Бесиншитобе являются практически не изученными¹. Поэтому представляются перспективными начатые в 2015 г. раскопки двух хронологически связанных между собой памятников, которые являются типичными образцами двухъярусных в профиле городищ — так называемых «тобе с площадкой».

Пишакшитобе, площадью около 1,5 га, расположено в 4 км к югу от городища Отрар. Протяженность бугра основания с востока на запад составляет 138 м и с севе-

Centres of the early farming culture are well-known in the lower and upper reaches of the Syr Darya River for a long time. The strong early state association of the Sakas in the lower reaches of river had rather developed farming and cattle-breeding economy and the first towns. The sites of Chirik-rabat, Babish-mulla 1 and Balandy are ruins of ancient towns fortified by ditches and fortification walls. However, farmers began using the middle riverbed part of lands just after establishment of a large stable political formation able to mobilise population to organise the laborious expenditure to construct canals and to develop the fallow lands. E.g. in the late 1st millennium BCE, as Kangju state had been established, the ancient Otrar oasis as one of the most northern centre of ancient farming culture formed. The early Kangju fortified settlements of farmers appeared and handicrafts, commerce and town building were developed in the lower reaches of Arys. The evidence is the ruins of numerous towns and settlements, which lower layers are dated to the late 1st millennium BCE. At the same time the lands of not only the lower part of the Arys Valley, but also the undeveloped left bank of the Syr Darya River were being developed. In particular, the long-term excavations of the largest urban centres in the region such as Shymkent and Tashkent indicated that their ancient layers are dated not late than to the 2nd century BCE.

Among sites of Otrar oasis attributed to the Otrar-Karatau archaeological culture of Kangju period the sites of Pshakshitobe and Besinshitobe are practically unstudied¹. Therefore, excavations of two sites of the same period started in 2015, which are typical samples of double-level sites — the so-called 'tobe with a ground' seem to be promising.

Pshakshitobe about 1.5 hectares in size is situated 4 km to the south from Otrar site. A hillock at the base is 138 m long from east to west and 110 m from north to south. The western, lower ground 30x60 m in size is 7.5 m high. The eastern, upper ground 30x30 m in size is 11.5 m high (fig. 1). The ruins of numerous buildings in the shape of small hills of different size and height and remains of an earth mound survive around it. Traces of an ancient main canal of Sangyl-

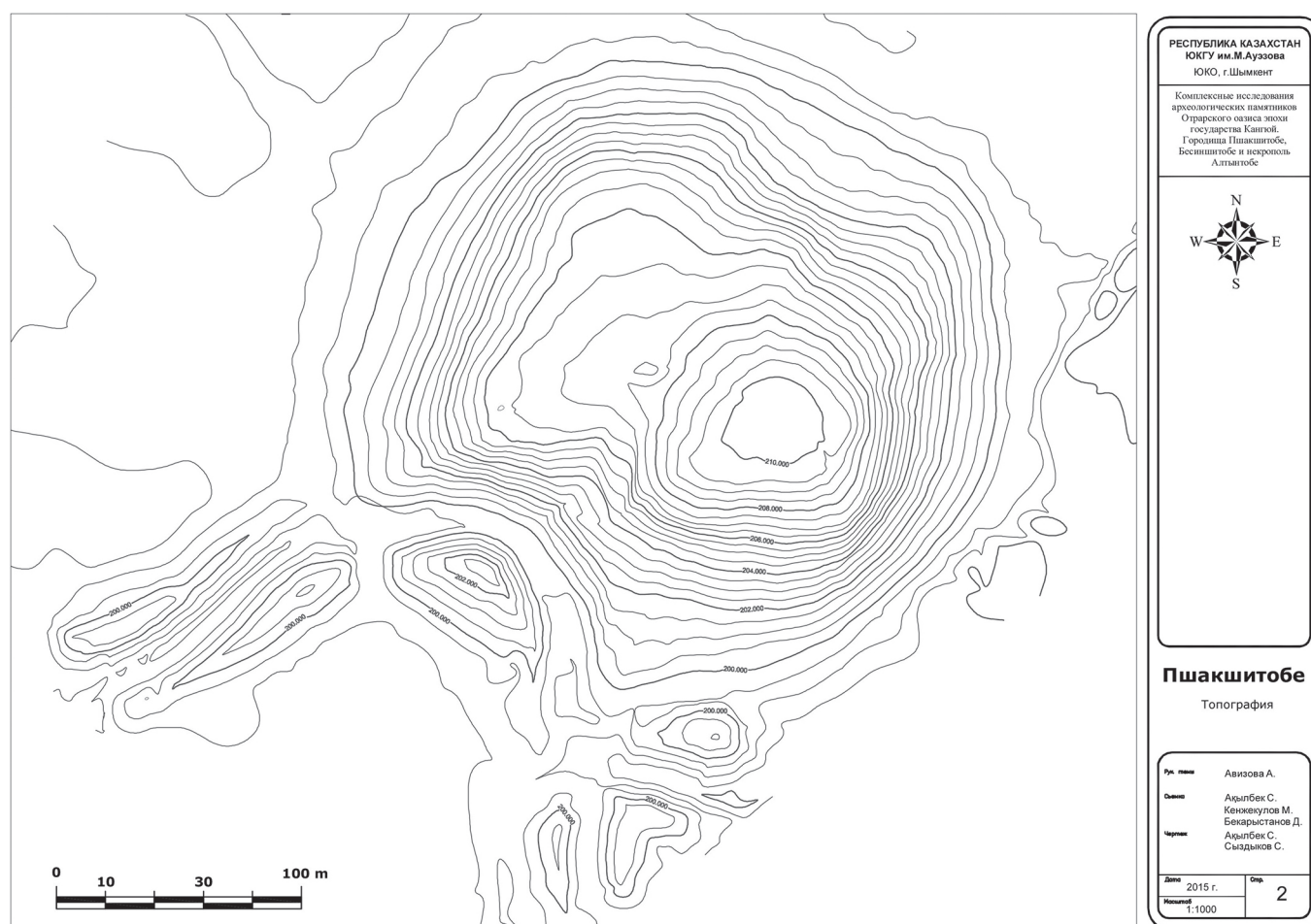

Рис. 1. Топографический план городища Пшакшитобе

Fig. 1. Topographic plan of the site of Pshakshitobe.

ра на юг — 110 м. Западная, нижняя площадка размером 30x60 м имеет высоту 7,5 м. Высота восточной, верхней площадки размером 30x30 м достигает 11,5 м (рис. 1). Вокруг нее сохранились развалины многочисленных построек в виде небольших бугров различного размера и высоты, остатки земляного вала. К югу от городища зафиксированы следы древнего магистрального канала Сангыл-арык, по обе стороны которого также прослеживаются остатки различных сооружений.

Историография археологических исследований на городище довольно короткая. В 1946 г. Пшакшитобе, наряду с другими памятниками Отрарского оазиса, был обследован Южно-Казахстанской археологической экспедицией во главе с А.Н. Бернштамом. Был сделан схематический план, собран подъемный материал².

Позже небольшие вскрытия произведены в его нижней площадке. Так, в 1949 г. Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем был заложен небольшой раскоп в середине восточного края нижней площадки, на высоте 7,43 м и доведен до глубины 2,6 м, где был зафиксирован материк³.

арык with remains of different constructions by its both sides have been fixed to the south from the site.

Historiography of archaeological researches at the site is short enough. Pshakshitobe was researched in 1946 by South-Kazakhstan archaeological expedition headed by A.N. Bernshtam along with other sites of Otrar oasis. The schematic plan was drawn and the scattered material was collected².

Afterwards its lower ground was excavated in some parts. E.g. in 1949 E.I. Ageeva and G.I. Patsevich started a small excavation in the middle of eastern edge of the lower ground at the height of 7.34 m and reached the depth of 2.6 m, where subsoil was revealed³.

In 1970 a small prospecting shaft was made at the site by Otrar archaeological expedition⁴. All scholars studying Pshakshitobe dated it widely in limits of the 1st millennium CE.

The excavation 1 was laid in the western part of the upper ground of site. A part of the hillock at the place was a flat ground lowering to the west. Discoveries of the season in 2015 revealed that the upper layer of the hillock is dated to the early Karakhanid period⁵.

В 1970 г. на городище был заложен небольшой шурф Отрарской археологической экспедицией⁴. Все исследователи, изучавшие Пшакшитобе, датировали его широко в пределах I тыс. н.э.

Раскоп I был заложен в западной части верхней площадки городища. Участок бугра в данном месте представлял собой плоскую, понижающуюся к западу, площадку. Вскрытиями сезона 2015 г. было установлено, что верхний слой бугра относится к раннекараханидскому времени⁵.

Строительных конструкций этого периода не сохранилось. Был лишь горизонт бытового мусора, прорезанный множеством мусорных ям, углублявшихся и в нижележащие кладки доарабской эпохи. Под культурными отложениями раннекараханидского времени залегала обширная сплошная кладка из сырцового кирпича размером 50–55x25–27x10–12 см. На глубине около 0,5 м от современной поверхности бугра была прослежена монументальная стена, идущая с ЮЗ на СВ. К ее юго-восточному фасаду перпендикулярно примыкали более тонкие стены. Было частично вскрыто помещение №1, вычищено более десяти мусорных ям и получен материал, характеризующий период жизни городища с IV–V вв. по X–XI вв.

Раскопки, проведенные в полевом сезоне 2016 г., показали, что обнаруженная нами строительная конструкция является остатком многокомнатного сооружения. Вскрыта лишь часть здания, поэтому мы пока не располагаем всеми данными о его планировке. Оно, по-видимому, имело прямоугольные очертания и ориентировано углами по странам света. Вход в здание находился в его западном углу в северо-западной стене. Здесь же, за дверным проемом, была обнаружена юго-западная (наружная) стена сооружения. Всего выявлены остатки пяти помещений разных размеров (рис. 2, 1). Все они практически доверху были плотно забутованы чередующимися рядами ленточной пахсы (толщина 10–12 см) и сырцового кирпича (50–55x25–27x10 см). Стены помещений сложены из сырцовых кирпичей того же размера и покрыты гладкой многократной глиняной штукатуркой. На одной стороне кирпичей имелись знаки-метки. Знаки на кирпичи наносили пальцами рук: несколько узких овальных углублений. Большинство обнаруженных помещений вскрывались лишь частично на глубине 1,5–2,0 м. До уровня пола было расчищено только помещение №1. Размеры его 7,0x3,5 м. Глубина залегания пола достигает 2,8 м. Пол вымощен фрагментами хумов и обмазан светлым глиняным раствором. Основания стен также обложены фрагментами стенок сосудов (рис. 2, 2).

The building structures of this period are lost. There is just a layer of household rubbish split by numerous dust holes deepening into the underlying brickwork of the pre-Arabic period. The vast compact brickwork of mudbricks 50–55x25–27x10–12 cm in size was deposited under the layers of the early Karakhanid period. A monumental wall stretching from south-west to north-east was retraced at the depth of about 0.5 m from the surface of hillock. Thinner walls border perpendicularly with its south-east façade. The room No.1 was partly disclosed, more than ten dust pits were cleaned out and the material describing the period from the 4th–5th to the 10th–12th centuries was revealed.

Excavations of the field season in 2016 indicated that the discovered building structure is remains of construction with many rooms. Just a part of the building has been disclosed, therefore, we do not yet have all data on its planning. Evidently, it was rectangular and its corners were orientated to cardinal points. The entrance of the building was placed in its western corner in the

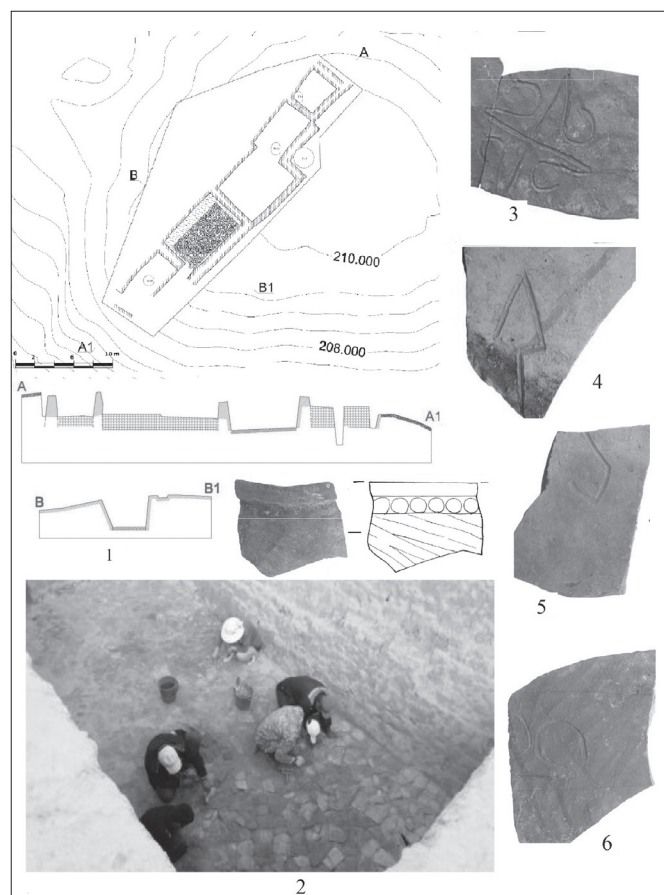

Рис. 2. Городища Пшакшитобе: план и профиль раскопа I; керамика из помещения №1.
Fig. 2. The site of Pshakshitobe: plan and profile of the excavation 1; ceramics from the room 1.

Помещения №2 и №3 связаны между собой оконным проемом, также тщательно заложены кирпичной кладкой. Кирпичная закладка в юго-западной части помещения №3 оказалась разрушенной, и этот участок занимали рыхлые золисто-углистые отложения. Этот горизонт прослежен нами на глубине 0,5–0,7 м и имел толщину до 0,3–0,4 м. Кроме того здесь обнаружены остатки поздней могилы. Определить контуры погребальной ямы не удалось, костяк очень плохой сохранности, череп отсутствовал. Здесь были найдены целое зеркало и поясные накладки из бронзы.

Все помещения этого комплекса не дали никаких находок, за исключением помещения №1. Здесь получен набор тарной посуды в виде фрагментов, использованных для облицовки пола и основания стен. Несколько черепков найдено при разборке кладки помещения №2. Основная масса находок происходит из 14 хозяйственных ям, вычищенных в течение двух полевых сезонов. Это лепная и станковая посуда, очажные подставки, серия глиняных пряслиц, миниатюрные бронзовые полусферические сосуды и фрагменты стеклянных сосудов, характеризующие период жизни городища с IV–V вв. по X–XI вв.

Полученную из P-1 керамику можно подразделить на три группы. К первой группе относится небольшой набор керамической тарной посуды, полученной из помещения №1. Подавляющее большинство хумов является фрагментами лепных красноглиняных сосудов (стенки, венчики, донца). Внутренняя и наружная поверхность их подправлена кистью рук. Они украшены традиционными потеками темного или красного ангоба. На отдельных фрагментах имеются прочерченные по сырой глине орнаменты и тамгообразные знаки (рис. 2, 3–6). На одном из фрагментов имеется тамга в виде стрелы. Схожие знаки встречаются на керамике городища Канка и Шаушукумтобе. Есть тамга в виде горизонтальной линии, концы которой оформлены завитками. Имеется знак в виде креста с закругленными концами, напоминающий свастику. Почти прямой аналогией этому знаку является тамга на керамике Культобе из слоев I–II вв. н.э.⁶ Аналогичные по форме и орнаментации хумы известны в комплексах I–IV вв. Актобе 2, IV–VI вв. Костобе (южное) и Берчинтобе⁷.

Ко второй группе относится коллекция посуды, полученная из хозяйственной ямы №14 (рис. 3, 1–8). Комплекс содержит сравнительно однообразный, но выразительный набор посуды. Это хумы, водоносные кувшины, горшки и чаши, изготовленные из плотного красновато-коричневого или розовато-красного теста с незначительной примесью мелкого песка, тонкостенные кувшины и чаши

north-west wall. The south-west (outer) wall of building was disclosed at the same place, behind the doorway. All in all five rooms of different size were revealed (fig. 2, 1). All of them were backing up with alternating rows of band *pakhsa* (10–12 cm thick) and mudbricks (50–55x27–10 cm). The walls of rooms were built with mudbricks of the same size and coated with smooth multiple clay plaster. The signs-marks take place on one side of bricks. The signs were impressed on bricks by fingers as some narrow oval indentations. The majority of found rooms were disclosed just partly at the depth of 1.0–2.0 m. The depth of floor bedding is up to 2.8 m. The floor is paved with fragmented pottery and coated with light clay plaster. The bases of walls are covered with fragmented vessels (fig. 2, 2).

The rooms no. 2 and 3 are connected with each other by the window opening thoroughly backfilled with the brickwork. The brickwork was destroyed in the south-west part of the room No. 3 and this plot was filled up with loose ash sediments. This horizon 0.3–0.4 m thick was retraced at the depth of 0.5–0.7 m. In addition, remains of later grave were found at the place. The contours of the burial pit were unidentified; the bones were in very poor condition and a skull was absent. An intact mirror and the bronze belt plates were disclosed.

There were no finds in all rooms of this complex besides the room No.1. The set of fragmented tare pottery used for revetment of the floor and bases of walls was found at the place. Some sherds were found in the brickwork of the room No.2. The main part of finds took place in 14 household pits cleaned out for two field seasons. It is the handmade and wheel-made pottery, hearth supports, clay spindle whorls, small bronze hemispherical vessels and fragmented glass vessels describing the period from the 4th – 5th to the 10th – 11th centuries.

The ceramics from P-1 might be divided into three groups. The first group is a small set of ceramic tare pottery from the room No.1. The vast majority of jars are fragments of the handmade red clay vessels (walls, rims and bottoms). Their inner and outer surfaces are adjusted by hands. They are decorated with the traditional runs of dark or red engobe. Some fragments are decorated with patterns carved on raw clay and tamga-shaped signs (fig. 2, 3–6). One of fragments is decorated with tamga (symbol of property) in the shape of arrow. The similar signs were found on ceramics from the sites of Kanka and Shaushukumtobe. There is tamga in the shape of horizontal line with curled rounded ends. One sign in the shape of cross with rounded ends resembles swastika. Almost

Рис. 3. Городище Пшакиштобе: находки

Fig. 3. The site of Pshakshitobe: finds.

хорошего обжига, красные в изломе. Обжиг хумов, горшков и толстостенных водоносных кувшинов неполный с серой прослойкой в середине. Все они лепные, но венчики и донца некоторых из них сформованы на круге.

Хумы имеют раздутое тулово с крутым плечиком. Заостренный нижний край скошенного валикообразного венчика выделен ложбинкой. Встречаются хумы с подпрямоугольным в сечении венчиком, выделенным широкой ложбинкой. Есть фрагмент горловины сероглиняной хумчи с покатыми плечиками. Подтреугольный в сечении венчик с ложбиной, подчеркнутой горизонтальным валиком, формован на круге. Внутренняя и внешняя поверхность венчика покрыта черным ангобом и залощена.

Водоносные кувшины представлены двумя типами. Характерными элементами первого типа кувшинов являются слегка отогнутый наружу подтреугольный в сечении венчик, вертикальная дугообразная желобчатая ручка, прикрепленная верхним концом к горловине, заостренный валик, образованный путем оттяжки стенок сосуда, отделяющий цилиндрическую горловину от плечиков и цилиндрический носик.

Ко второму типу относятся грушевидные тонкостенные кувшины с короткой горловиной со слегка отогнутым наружу утолщенным венчиком. Вертикальная дугообразная желобчатая ручка посажена верхним концом на горле ниже венчика, а нижним концом прикреплена к плечикам. Они изготовлены из плотного теста хорошего обжига, розовато-красные в изломе, покрыты красным ангобом, некоторые из них украшены потеками красной краски. Под горловиной двух кувшинов этого типа имеются прочерченные по сырой глине тамги. Судя по многочисленным фрагментам стенок, можно предполагать, что часть этих кувшинов была с рифленой поверхностью плечиков и тулова.

Выделяются горшки с короткой шейкой, сферическим туловом, с отогнутым наружу венчиком, образованным легким выгибом стенки горловины наружу. У верхнего края устья расположены петлеобразные желобчатые ручки, являющиеся продолжением венчика. Снаружи, иногда и изнутри, украшены полосами темного ангоба поверх красноватой поверхности. Некоторые из них имеют наклепной орнамент по горлу в виде заостренного валика, рассеченного насечками; иногда горшки украшены ямочками. Плечики горшков иногда украшены горизонтальным рифлением.

Перечисленные признаки (вертикальные петлеобразные или дугообразные ручки с продольным желобком, по спинке сжатым с боков, цилиндрический носик, наклепной валик, рассеченный насечками) свойственны

direct analogy for this sign is tamga on ceramics of Kultobe from layers of the 1st – 2nd centuries⁶. The jars analogous in shape and ornamentation are known in complexes of the 1st – 4th centuries at Aktobe 2, the 4th – 6th centuries at Kostobe (southern) and Berchintobe⁷.

The second group is the collection of pottery from a household pit No.14 (fig. 3, 1–8). The complex contains comparatively uniform, but an expressive set of pottery. It is jars, water-bearing jugs, pots and bowls produced of dense red-brown or pink-red paste with fine sand, the thin-walled jugs and well-burned bowls, which are red in fracture. The burning of jars, pots and thick-walled water-bearing jugs is not complete with grey interlayer in the middle. All of them are handmade, but rims and bottoms of some of them are produced on the potter's wheel.

The jars have a bloated body with steep shoulder. The pointed lower edge of oblique cordon-shaped rim is marked out by a groove. There are jars with rectangular rim singled out by a wide groove. There is a fragment of neck of small grey clay jar with slanting shoulders. The triangle rim with groove stressed with horizontal cordon was produced on the potter's wheel. The inner and outer surface of rim is coated with black engobe and polished.

There are two types of the water-bearing jugs. The peculiar features of the first type of jugs are the inverted triangle rim, the vertical arched grooved handle attached to the neck, the pointed cordon formed of drawn out walls of a vessel and separating the cylindrical neck from shoulders and the cylindrical spout.

The second type is the pyriform thin-walled jugs with short neck and slightly inverted thickened rim. The vertical arched grooved handle is fixed to the neck below the rim with the upper end and to shoulders with the lower one. They were produced of the dense well burnt pink-red paste, coated with red engobe and some of them are ornamented with runs of red paint. Tamgi carved on raw clay took place under the neck of two jugs. Judging by numerous fragments of walls one can assume that a part of these jugs had the corrugated surface of shoulders and body.

Pots with short neck, spherical body and inverted rim formed of light curve of neck wall stand out. The looped grooved handles as extension of the rim were placed at the upper edge of mouth. They were ornamented with strips of dark engobe over the red surface outside and, occasionally, inside. Some of them had the applied ornamentation on the neck in the shape of the pointed cordon with incisions; in some cases they are ornamented with small holes. The shoulders of pots are occasionally ornamented with horizontal grooving.

памятникам второго этапа каунчинской и отрарско-каратауской культуры, который датируется IV–V вв. н.э.⁸

В третьем керамическом комплексе, полученном из хозяйственных ям №12 и №13, присутствуют сосуда станковой работы. Они представлены изящными формами тонкостенных водоносных кувшинов, горшков, кружек, мисок и чаш, изготовленных из хорошо отмученного теста хорошего обжига. Но значительная часть посуды представлена образцами традиционного древнего и раннесредневекового лепного гончарства. Это кухонные горшки из огнеупорного теста, украшенные валиками с насечками, крышки, жаровни. Много фрагментов тарной посуды. Чаще всего — это хумы и хумчи. Все они лепные, но венчики некоторых из них формованы на гончарном круге.

Небольшая серия очажных подставок представлена различными формами (рис. 3, 13–14). Одна из них в форме вытянутого бруска, трапециевидного в сечении, с двумя выступами по краям. Сохранилась только часть изделия. Остальные подставки имеют формы вытянутых прямоугольных изогнутых брусков с утончением в верхней части. Они напоминают заостренную морду животного. Две из них относятся к типу «рогатых» подставок. Рога отмечены двумя выступами, лоб украшен в одном случае одним рядом небольших овальных ямочек, в другом — двумя рядами неглубоких точек. Глаза отмечены глубокими выемками с двух сторон в нижней части. В верхней части подставок сохранились остатки копоти. Очажные подставки известны по многочисленным находкам на памятниках каунчинской⁹ и отрарско-каратауской¹⁰ культур долины Сырдарьи и датируются широко в пределах IV–VIII вв. н.э.

К этому же комплексу относятся фрагменты больших зернотерок из плотной крупнозернистой светло-серой породы и многочисленные точильные камни, а также серия глиняных пряслиц и фрагменты стеклянных сосудов (рис. 3, 11–12).

В целом материалы этого комплекса близки материалу памятников позднекангюйского периода VII–VIII вв. Но в то же время здесь найдены более поздние формы посуды, которые встречаются в слоях IX–X вв.

Из других находок отметим изделия из бронзы, происходящие, как мы полагаем, из более поздней могилы. Это целое зеркало и поясные накладки (рис. 3, 9–10). Они найдены рядом с костяком плохой сохранности, череп отсутствовал.

Городище Бесиншитобе площадью 0,7 га расположено в 3,5 км к югу от городища Отрар и в 0,5 км к северу от городища Пшакшитобе (рис. 4). Это, сравнительно,

The listed features (the vertical looped or arched handles with lengthwise groove pressed on each side, cylindrical spout, applied cordon dissected with incisions) are characteristic to the sites of the second stage of Kaunchi and Otrar-Karatau culture dated to the 4th – 5th centuries⁸.

The third ceramic complex from the household pits nos. 12 and 13 is vessels produced on the potter's wheel. It is the elegant shapes of thin-walled water-bearing jugs, pots, mugs, bowls, and cups made of well-levigated and well-burnt paste. However, the main part of pottery is samples of traditional ancient and early medieval handmade potter's handicraft. It is the kitchen pots made of fireproof paste and ornamented with cordon with incisions, lids and braziers. There are many fragments of tare pottery. Mainly they are jars or small jars. All of them are handmade, but some rims are produced on the potter's wheel.

A small series of hearth supports is different in shape (fig. 3, 13–14). One of them is oblong bar in shape, trapeziform in section and with two ledges along borders. Just a part of article remains. The rest of supports had the shape of oblong rectangular bent bars with the thinning-down upper part. They look like a pointed snout of an animal. Two of them are of style of 'horned' supports. The horns had two ledges; the forehead was ornamented with one row of small oval pits in one case and with two rows of shallow points in another one. The remained soot was found on the upper part of support. The hearth supports are known by numerous finds at sites of the Kaunchi⁹ and Otrar-Karatau¹⁰ cultures of the Syr Darya River dated broadly to the 4th — 8th centuries.

Fragments of big grain crushers made of dense coarse-grained light grey rock and numerous grindstones, and also a series of clay spindle whorl and fragmented glass vessels are attributed to the same complex (fig. 3, 11–12).

In general, materials of this complex are similar to materials of sites of the late Kangju period of the 7th — 8th period. However, at the same time, later shapes of pottery found in layers of the 9th — 10th centuries were found in the same place.

Among other finds the articles made of bronze from, as we assume, later grave should be mentioned. It is an intact mirror and belt plates (fig. 3, 9–11). They were found near the bones in poor condition and without a skull.

The site of Besinshitobe has an area of 0.7 hectare and it is located 3.5 km to the south from the Otrar site and 0.5 km to the north from the site of Pshakshitobe (fig. 4). It is respectively low, but vast double-level hillock 100x70 m

Рис. 4. Топографический план городища Бесиншито́бе.

Fig. 4. Topographic plan of the site of Besinshitobe.

неввысокий, но обширный двухъярусный бугор размером 100х70 м. Высота верхней площадки достигает более 5 м, нижней — около 3,5 м.

Первое археологическое обследование городища провела Отрарская археологическая экспедиция под руководством К.А. Акишева в 1970 г.¹¹. На поверхности городища собраны фрагменты неглазурованной керамики, раскопочные работы не производились.

В 2015 г. для предварительного изучения стратиграфии городища Бесиншито́бе на его северо-западном склоне была заложена большая стратиграфическая траншея длиной 30 м, шириной 2 м. Разрез траншеи показал, что перед нами однослойный памятник, в основе которого залегали руины очень крупного монументального сооружения. Оно имело форму архаичной и массивной двухступенчатой пирамиды, которая состоит из двух частей: большого центрального и более мелких помещений периферии. Центральное помещение имело стены 7,5 м толщины, хотя нельзя сказать, что они имели особое оборонительное значение, т.к. стены наружных помещений, примыкавших

in size. The height of the upper ground is more than 5 m and the lower one is about 3.5 m.

The first archaeological study of the site was carried out by Ottrar archaeological expedition headed by K.A. Akishev in 1970¹¹. The fragmented unglazed ceramics were found on the surface of the site and the excavations were not done.

The big stratigraphic trench 30 m long and 2 m wide was dug on the north-west slope for preliminary study of stratigraphy of Besinshitobe in 2015. The trench section indicated that it was one-layer site with ruins of very large monumental construction in its base. It was an archaic and massive two-stage pyramid in shape composed of two parts: large central rooms and smaller ones in periphery. The central room's walls were 7.5 m thick; although it is hard to state that they were of particular defensive purpose, because walls of the outer rooms sided with the central one were not more than 1 m thick. Everything was constructed on single wattle and daub platform about 1.5 m high (fig. 5, 1).

к центральному помещению, имели толщину не более 1 м. Все это было построено на единой глинобитной платформе высотой около 1,5 м (рис. 5, 1).

В слоях помещения №1 находки не встречались. В помещении №2 найдено небольшое количество костей животных и фрагментов керамики. Интересна небольшая тонкостенная сферическая чаша из красной глины с вертикальным бортиком, отделенным от нижней части резервуара кольцевой ложбиной (рис. 5, 2). Это форма типична для поселений оттарско-каратауской культуры IV–VI вв. По бортику с наружной стороны чаши прочерчена тамга с двойными завитками на концах перевернутого V-образного знака. Он очень близок тамгам на реверсе монет Западно-Тюркского каганата, датируемым исследователями второй половиной VI в.¹²

В рыхлых оплывах верхнего горизонта на глубине 0,5–1,3 м были произведены захоронения усопших, которые частично прорезали конструкции нижележащего культурного горизонта. Верхний горизонт представляет собой рыхлый, мягкий грунт светло-коричневого цвета, сильно засоленной однородной консистенции, материалы конструкций (кирпичи, штукатурка, заполнения могильных ям) в котором отличаются лишь оттенками и формами. Всего обнаружено шесть захоронений, в том числе вдоль траншеи — пять.

Для всех найденных захоронений (за исключением №4) характерно одно положение костных останков покойников — вытянутое, на спине, голова повернута на северо-запад параллельно длинной оси траншеи. В погребениях №2 и №3 обнаружен немногочисленный сопроводительный инвентарь. В двух погребениях было найдено по одному кувшину, оба совершенно расслоившиеся. В погребении №2 кувшин стоял слева от головы, в погребении №3 кувшин с ручкой был установлен с правой стороны головы. Оба сосуда имеют раздутое, близкое к шаровидной форме тулово, прямое невысокое горло, треугольный в сечении венчик диаметром 10–11 см. По фрагментам видно, что это были качественные красноглиняные кувшины. Наружная поверхность сосудов покрыта темно-красным ангобом и тщательно залощена. Кроме того, в погребении №3 найден железный нож с черешком и круглая железная пряжка с коротким язычком. Оба изделия типичны для тюркской эпохи, что подтверждается также немусульманским обрядом погребения. В остальных захоронениях инвентарь отсутствовал.

В полевом сезоне 2016 года работы велись в западной части бугра Бесиншитобе. Здесь был заложен раскоп

There were no finds in layers of the room No.1. A small number of animals' bones and fragmented ceramics were disclosed in the room No.2. A small thin-walled spherical red clay bowl with vertical ledge and with a body separated from the lower part by a ring groove is interesting (fig. 5, 2). This shape is typical for sites of the Otrar-Karatau culture of the 4th — 6th centuries. The ledge on outer side of bowl was decorated with tamga with double curls on ends of turned up V-shaped sign. It is quite similar to tamgi on reverse of coins of the West Turkic khaganate dated to the late 6th century¹².

The burial grounds took place in the loose slipped down horizon at the depth of 0.5–1.3 m and cut through constructions of underlying horizon. The upper horizon was a loose soft light brown ground of very salty homogeneous consistence, where the constructive materials (bricks, plaster and infill of graves) differ in shades and shapes. All in all six burial grounds including five along the trench were disclosed.

One position of remained bones such as stretched, supine and with the head turned to north-west in parallel to axis of the trench was characteristic for all the discovered burial grounds (except the burial ground No.4). Few accompanying goods were found in burial grounds no. 2 and 3. Two jugs were disclosed in two burial grounds and both of them were completely delaminated. A jug in the burial ground No.2 was placed to the left from the head and a jug with handle was placed to the right from the head in the burial ground No.3. Both vessels had a bloated spherical body, a straight low neck and triangle rim 10–11 cm in diameter. According to fragments it is clear that they were red clay jugs of high quality. The outer surface of vessels was coated with dark red engobe and thoroughly polished. In addition, an iron knife with heft and a round iron buckle with short catch were found in the burial ground No.3. Both articles are typical for the Turkic period, what is proved by non-Muslim burial rite. There was no inventory in the rest of burial grounds.

The excavations in the west part of Besinshitobe took place in the field season 2016. The excavation 10x11 m in size occupying the south-east end of trench was started at the place.

The excavation No.1 was 1.2 m deep. Nine burial grounds were disclosed at the depth of 0.5–0.7 m (fig. 6). The grave pits of burial grounds besides one (No.9) did not stand out on the surface. The burial ground No.9 was Muslim and dated presumably to the 13th – 15th centuries;

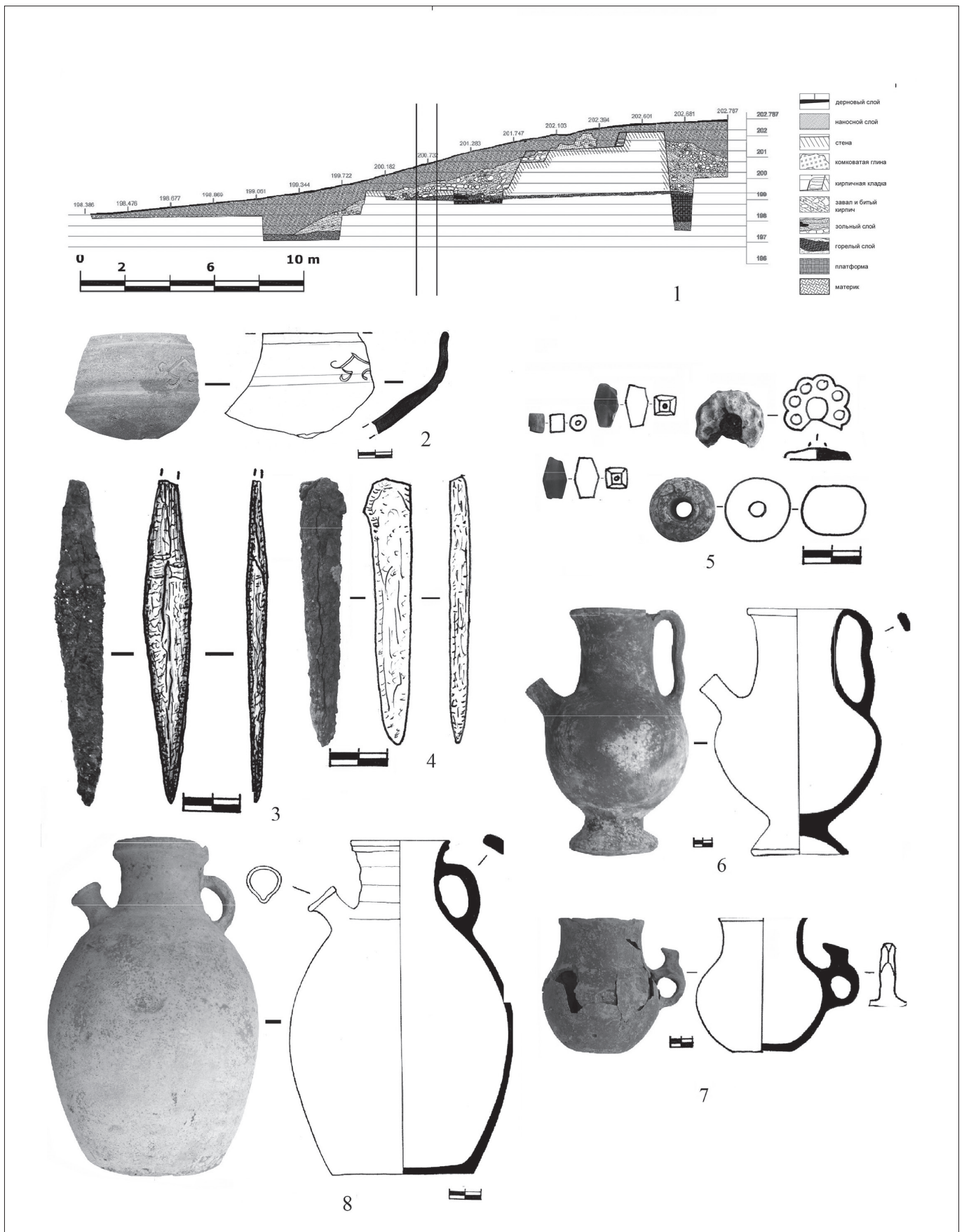

Рис. 5. Городище Бесиншитобе: траншея 1, СВ профиль и находки.

Fig. 5. The site of Besinshitobe: the trench 1, NE profile and finds.

размером 10x11 м, который охватывал юго-восточный конец траншеи, заложенной в 2015 году.

Раскоп 1 был на глубине до 1,2 м. На глубине 0,5–0,7 м обнаружены 9 захоронений (рис. 6). Могильные ямы погребений, кроме одной (№9), никак не выделялись на поверхности. Погребение №9 является мусульманским, предположительно периода XIII–XV вв., аналогично захоронениям в куйруктобинском некрополе. Могильная яма перекрыта кладкой из сырцового кирпича. Кирпичи выложены ребром, «лесенкой» и без связки. Погребения №7, 10, 11, 12 и 15 также можно считать мусульманскими, на что указывает ориентация костяка головой на северо-запад и отсутствие сопроводительного инвентаря. Оставшиеся три погребения (№8, 13, 14) с погребальным инвентарем являются домусульманскими.

Археологический материал погребений хронологически укладывается в рамки IV–VIII вв. (рис. 5, 2–8). Для него характерны сердоликовые и коралловые бусы, железные ножи и кинжал, большие кувшины с вертикальной дугообразной ручкой и носиком-сливом, кувшин

it is analogous to burial grounds in Kuyruktobe necropolis. The grave pit was overlapped with mud brickwork. The bricks were placed edgewise, in ledges and without connection. The burial grounds nos.7, 10, 11, 12 and 15 might be considered to be Muslim, what is proved by orientation of head bones to north-west and lack of accompanying goods. The rest of three burial grounds (nos. 8, 13 and 14) with burial goods were of the pre-Islamic period.

The archaeological material of burial grounds is dated to the 4th – 8th centuries (fig. 5, 2–8). Its distinctive attributes were the cornelian and coral beads, iron knives and poniards, big jugs with a vertical arched handle and a spout, a jug with high neck and spherical body on high concave base with vertical flat handle and a red clay polished mug with loop-shaped zoomorphic handle. The vessels similar in shape were known in materials from the burial grounds of Konurtobe I and Borijar dated to the 4th — 8th centuries¹³, as well as from Kok-Mardan, Taltakay in Otrar oasis

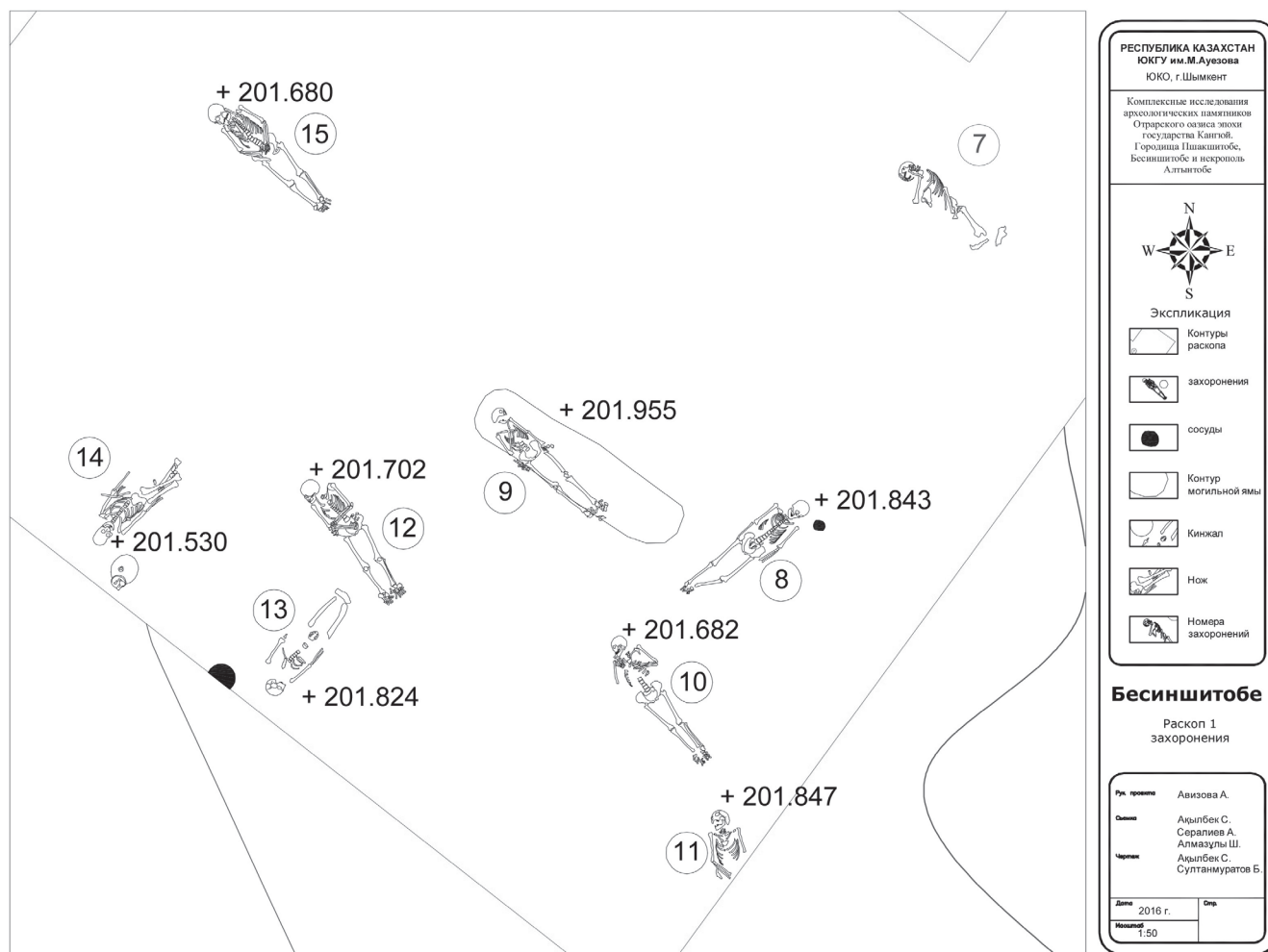

Рис. 6. Городище Бесиншитобе: раскоп 1, погребения.

Fig. 6. The site of Besinshitobe: the excavation 1, a burial ground.

с высокой горловиной, шаровидным туловом на высоком вогнутом поддоне с вертикальной плоской ручкой, красноглиняная лощеная кружка с петлевидной зооморфной ручкой. Близкие по форме сосуды известны по материалам могильника Конуртобе I и Борижарского могильника, датируемого исследователями IV–VIII вв. н.э.¹³, а также Кок-Мардан, Талтакай в Отрарском оазисе и могильника Чоон-Капка I в долине реки Талас, которые датируются первой половиной I тыс. н.э.¹⁴.

Погребение №8 по ряду признаков обряда захоронения имеет некоторые черты сходства с погребениями №95, 96, 99, 101, 106, 108, 110 и 110 из некрополя Конуртобе I. Этим погребениям также свойственны признаки, характерные погребению №8 из Бесиншитобе: вытянутое положение костяка на спине, ориентация головы на СВ и сопровождение инвентарем. Однако захоронения в Конуртобе I совершались в наземных сырцовых ящиках из кирпича размером 50x30x10 см¹⁵.

Анализ погребального обряда и инвентаря позволил исследователям отнести основную часть погребений Конуртобе I к позднему этапу культуры оседлых кангюйских племен и датировать ее IV – первой половиной VIII в.н.э.¹⁶.

Как было отмечено, раскопанные нами разновременные захоронения частично прорезали конструкции нижележащего строительного горизонта. Был обозначен западный угол центрального помещения монументального сооружения. На данном этапе исследований о сооружении на бугре Бесиншитобе ничего определенно сказать нельзя. В заполнениях сооружения находок не обнаружено. Полная расчистка угла сооружения запланирована на следующий полевой сезон.

¹ Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С. 217–221.

² Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 2. 1950. С. 76.

³ Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958. С. 33–35.

⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. С. 7.

⁵ Байпаков К.М., Авизова А.К. Раскопки городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Сер. общ. наук., 2015, №6. С. 182–214; Байпаков К.М., Авизова А.К., Акылбек С.Ш. Новые материалы по истории

and Choon-Kapka I burial ground in the Talas Valley dated to the early 1st millennium¹⁴.

The burial ground No.8 in some traits of the burial rite was similar to burial grounds nos.95, 96, 99, 101, 106, 108, 110, and 110 from the necropolis of Konyrtobe I. These burial grounds had the same features typical for the burial ground No.8 at Besinshitobe such as the stretching supine position of bones, heads orientated to the north-east and the accompanying inventory. However, burial grounds at Konyrtobe I took place in the surface mud boxes made of bricks 50x30x10 cm in size¹⁵.

The analysis of the burial rite and goods made researchers attribute the main part of the burial grounds of Konyrtobe I to the late stage of culture of sedentary Kangju tribes and date it to the 4th – early 8th centuries¹⁶.

As it has been noted above, the excavated alternative burial grounds partly cut through the structures of the underlying constructive horizon. The west corner in the central room of monumental construction was fixed. It is hard to state definitely about the construction on the hillock Besinshitobe at this stage of study. There were no finds in infills of the construction. The complete clearance of the corner of construction is scheduled for the next field season.

¹ Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Yujno-Kazakhstanskoy oblasti. Otrarskiy rayon. Almaty, 2007. S. 217–221.

² Bernshtam A.N. Problemy drevney istorii i etnogeneza Yujnogo Kazakhstana // Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkheologicheskaya. Vyp. 2. 1950. S. 76.

³ Ageyeva Ye.I., Patsevich G.I. Iz istorii osedlykh poseleniy i gorodov Yujnogo Kazakhstana // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii im. Ch.Ch. Valikhanova Akademii nauk KazSSR. T. 5. Alma-Ata, 1958. S. 33–35.

⁴ Akishev K.A., Baipakov K.M., Yerkovich L.B. Drevniy Otrar (topografiya, stratografiya, perspektivy). Alma-Ata, 1972. S. 7.

⁵ Baipakov K.M., Avizova A.K. Raskopki gorodish Pshakshitobe i Besinshitobe v Otrarskom oazise // Izvestiya NAN RK. Ser. obsh. nauk., 2015, №6. S. 182–214; Baipakov K.M., Avizova A.K., Akylbek S.Sh. Novye materialy po istorii Otrarskogo oazisa doislamskoy epokhi // Promyshlennost' Kazakhstana. Almaty, 2015, №5. S. 92–97.

⁶ Smagulov Ye.A., Yerjigitova A.A., Torgoyev A.I. Otkrytiye arkhitekturnogo kompleksa tsitadeli drevnego Yasy/Turkeстана // Materialy mejdunarodnoy konferentsii: "Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy", posvyashyonnoy 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan

Отрарского оазиса доисламской эпохи // Промышленность Казахстана. Алматы, 2015, №5. С. 92–97.

⁶ Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торгоев А.И. Открытие архитектурного комплекса цитадели древнего Ясы/Туркестана // Материалы международной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. III. Алматы, 2011. С. 634. Рис. 2, 3; Смагулов Е.А., Яценко С.А. Тамгообразные знаки из доисламских слоев памятников Туркестанского оазиса (Средняя Сырдарья).

⁷ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в 1-м тысячелетии н.э. Москва, 1971. С. 119–121, рис. 35–37. (Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007.); Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. С. 127–128, рис. 89–90.

⁸ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в 1-м тысячелетии н.э. Москва, 1971. С. 224

⁹ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в 1-м тысячелетии н.э. Москва, 1971. С. 99. Рис. 27,25–26. С. 105. Рис. 70–78. С. 139. Рис. 49, 16–17, 20, 31–32.

¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. С. 167–168, рис. 86.

¹¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. С. 147–148.

¹² Бабаяров Г., Кубатин А. Методы идентификации и определения последовательности выпусков монет Западно-Тюркского каганата. // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Алматы, 2010. С. 333–342.

¹³ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. С. 55. Рис. 1, 45–43, рис. 1, 145–2. С. 11. Рис. 3.18–1.

¹⁴ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. С. 66. Рис. 1.59. С. 67. Рис. 1.60–11. С. 74. Рис. 2,4–5.

¹⁵ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. С. 34–36.

¹⁶ Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Алматы, 2012. С. 178.

и 20-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana. Т. III. Алматы, 2011. С. 634. Рис. 2, 3; Smagulov Ye.A., Yatsenko S.A. Tamgoobraznye znaki iz doislamskikh sloyov pamyatnikov Turkestanskogo oazisa (Srednyaya Syrdarya).

⁷ Levina L.M. Keramika Nijney i Sredney Syr-Dar'I v 1-m tysyacheletii n.e. Moskva, 1971. S. 119–121, ris. 35–37. (Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007.); Akishev K.A., Baipakov K.M., Yezakovich L.B. Drevniy Otrar (topografiya, stratografiya, perspektivy). Alma-Ata, 1972. S. 127–128, ris. 89–90.

⁸ Levina L.M. Keramika Nijney i Sredney Syr-Dar'I v 1-m tysyacheletii n.e. Moskva, 1971. S. 224.

⁹ Levina L.M. Keramika Nijney i Sredney Syr-Dar'I v 1-m tysyacheletii n.e. Moskva, 1971. S. 99. Рис. 27,25–26. С. 105. Рис. 70–78. С. 139. Рис. 49, 16–17, 20, 31–32.

¹⁰ Akishev K.A., Baipakov K.M., Yezakovich L.B. Drevniy Otrar (topografiya, stratografiya, perspektivy). Alma-Ata, 1972. S. 167–168, ris. 86.

¹¹ Akishev K.A., Baipakov K.M., Yezakovich L.B. Drevniy Otrar (topografiya, stratografiya, perspektivy). Alma-Ata, 1972. S. 147–148.

¹² Babayarov G., Kubatin A. Metody identifikatsii i opredeleniya posledovatel'nosti vypuskov monet Zapadno-Tyurkskogo kaganata // Kazakhstan i Yevraziya skvoz' veka: istoriya, arkheologiya, kul'turnoye naslediyе. Алматы, 2010. С. 333–342.

¹³ Baipakov K.M., Smagulov Ye.A., Yerjigitova A.A. Rannesrednevekovye nekropoli Yujnogo Kazakhstana. Алматы, 2005. С. 55. Рис. 1, 45–43, рис. 1, 145–2. С. 11. Рис. 3.18–1.

¹⁴ Baipakov K.M., Smagulov Ye.A., Yerjigitova A.A. Rannesrednevekovye nekropoli Yujnogo Kazakhstana. Алматы, 2005. С. 66. Рис. 1.59. С. 67. Рис. 1.60–11. С. 74. Рис. 2,4–5.

¹⁵ Baipakov K.M., Smagulov Ye.A., Yerjigitova A.A. Rannesrednevekovye nekropoli Yujnogo Kazakhstana. Алматы, 2005. С. 34–36.

¹⁶ Baipakov K.M. Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana. Алматы, 2012. С. 178.